

Добаев И.П.,

доктор философских наук, профессор,
эксперт Российской академии наук,
Южный федеральный университет
(г. Ростов-на-Дону)

**ИСЛАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЮГА РОССИИ
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
СОВЕТСКОГО И РОССИЙСКОГО УЧЕНОГО
Ю.А. ЖДАНОВА)**

DOI: 10.31249/rimm/2019.03.01

***Аннотация.** Статья посвящена анализу научного вклада видного советского / российского ученого и политика Юрия Андреевича Жданова в становление и развитие фундаментального и прикладного исламоведения на Юге России. Перечисляются имена российских и советских ученых, внесших весомый вклад в это научное направление, упоминаются имена тех исследователей, которые продолжили исламские исследования в России и ее Южном регионе в постсоветский период. Внимание читателей фокусируется на конфликтных характеристиках, связанных с идеологической доктриной и политической практикой носителей положений так называемого «чистого ислама». В заключение делается вывод о том, что для того чтобы эффективнее противостоять радикальным исламистам требуется наращивать усилия в сфере фундаментального и прикладного исламоведения, для чего необходима помощь и поддержка государства.*

***Ключевые слова:** джихад; Жданов Ю.А.; ислам; исламизм; исламоведение; Юг России.*

Памяти Юрия Андреевича Жданова посвящается

20 августа 2019 г. исполнилось бы 100 лет Юрию Андреевичу Жданову, выдающемуся отечественному мыслителю, ученому, политику. В молодости он возглавлял отдел науки ЦК КПСС, затем более 30 лет руководил Ростовским государственным университетом (РГУ), последние десятилетия возглавлял Северо-Кавказский научный центр Высшей школы (СКНЦ ВШ). Он внес огромный вклад в развитие отечественной науки и образования. Благодаря ему не только РГУ превратился в авторитетный центр фундаментальных и прикладных исследований, но и в других

субъектах Юга России произошло наращивание качественного научного и образовательного потенциала.

Ю.А. Жданов планировал также создать на базе РГУ солидную востоковедческую школу, которая могла бы конкурировать с лучшими учебными и научными заведениями Москвы и Ленинграда (ныне – Санкт-Петербург). В рамках такого направления, по мысли Жданова, должно было развиваться и исламоведение. Недаром на рабочем столе Юрия Андреевича постоянно можно было видеть монографию знаменитого швейцарского исламоведа Адама Меца «Мусульманский ренессанс», выдержки из которой Жданов часто цитировал. Однако в советский период реализовать этот замысел в силу ряда причин не представилось возможным, хотя актуальность данной сферы никогда не вызывала сомнений, хотя бы из-за геополитического положения Юга России.

Как известно, российское исламоведение имеет давнюю историю и накопило солидный запас знаний, что признается мировым научным сообществом. Большой вклад в изучение ислама внесли дореволюционные отечественные исламоведы, востоковеды и философы: В.В. Бартольд, В.А. Жуковский, Е. Крымский, Н.А. Медников, В.Р. Розен, Г.С. Саблуков, В. Славьев, Ч.Э. Торнау, А.Э. Шмидт и др. В советский период продолжали фундаментальные и прикладные исследования, прежде всего, московский и ленинградский исламоведческие центры, среди выдающихся ученых этого периода следует назвать Е.А. Беляева, А.Е. Бертельса, О.Г. Большакова, Л.К. Климовича, И.Ю. Крачковского, Л.В. Негря, Н.А. Смирнова, И.П. Петрушевского, М.Б. Пиотровского, Л.В. Прозорова, Р.И. Султанова, Е.А. Фролову и др. В позднесоветский и постсоветский периоды этими проблемами занимались А.В. Васильев, Л.С. Васильев, А.А. Игнатенко, Г.М. Керимов, Н.С. Кирабаев, С.А. Кириллина, Р.Г. Ланда, А.В. Малашенко, Л.И. Медведко, Д.В. Микульский, Г.В. Милославский, В.В. Наумкин, Л.Р. Сюкияйнен, А.Ю. Умнов, Р.М. Шарипова и мн. др.

Интересные публикации по современным политическим проблемам ислама, в том числе на Северном Кавказе, принадлежат представителям ряда гуманитарных институтов РАН: В.О. Бобровникову, Н.М. Емельяновой, А.В. Кудрявцеву, Д.В. Макарову, Д.Б. Малышевой, К.И. Полякову, С.М. Червонной, А.А. Ярлыкапову и др. Эти ученые, ранее в основном исследовавшие проблемы мусульманского зарубежья, одними из первых в нашей стране в постсоветский период приступили к изучению состояния и раз-

вития ислама, прежде всего его политизированных форм, в Северо-Кавказском регионе.

На региональном (северокавказском) уровне серьезный вклад в осмысление проблем ислама внесли М.А. Абдуллаев, А.В. Авксентьев, М.В. Вагабов, М.Б. Мужухоев, М.Н. Османов, Р.А. Ханаху, А.Р. Шихсаидов и др. Однако ученые-исламоведы региона, подавляющее большинство которых являются представителями Дагестана, вплоть до середины 90-х годов XX в. в основном делали упор на изучение доисламского наследия либо средневекового ислама, либо рассматривали ислам в контексте культурологической проблематики.

Только в последние два десятилетия появились исследования ученых региона, напрямую касающиеся проблем в современном исламе на Северном Кавказе и воздействия их на социально-политический процесс. Среди них следует, прежде всего, назвать З.М. Абдулагатова, В.Х. Акаева, З.С. Арухова, Э.Ф. Кисриева, Е.В. Кратова, С.А. Ляшеву, Г.А. Мурклинскую, К.М. Ханбабаева.

В этот же период в Северо-Кавказском регионе благодаря личным усилиям конкретных ученых создаются неформальные научные структуры по изучению ислама. Речь, в частности, идет о Центре исламских исследований при Дагестанском государственном университете, у истоков которого стояли министр по делам национальностей РД, крупный ученый-востоковед З.С. Арухов¹ и авторитетный в регионе исламовед, профессор ДГУ М.В. Вагабов, а также о Региональном центре этнополитических исследований ДНЦ РАН. Учеными этих центров во взаимодействии с бывшим Комитетом по делам религий РД подготовлены и опубликованы многочисленные монографии и сборники научных статей, проведены научные конференции, семинары, круглые столы по проблеме.

В других субъектах ЮФО, в том числе и в северокавказских республиках, успехи в теоретическом и прикладном исламоведении значительно скромнее, нежели в Дагестане. Тем не менее и здесь имеются, пусть и немногочисленные, исследователи мусульманства. Речь, прежде всего, идет об ученых из Чечни, Карачаево-Черкесии, Адыгеи и Астраханской области.

В позитивном смысле на общем южнороссийском фоне в постсоветский период выделилась Ростовская область, где

¹ Арухов Загир Сабирович трагически погиб 20 мая 2005 г. от рук террористов.

в течение последних 20 лет активно осуществляются исламские исследования. Важной вехой явился 1999 г., когда на базе ИППК Ростовского государственного университета при активной поддержке Ю.А. Жданова был создан Центр системных региональных исследований и прогнозирования (ныне – Центр региональных исследований), руководителем которого вплоть до преждевременной кончины в феврале 2018 г. являлся авторитетный кавказовед В.В. Черноус. С 2001 г. Центр под рубрикой «Южнороссийское обозрение» начал издавать сборники научных статей, монографии и учебные пособия. За годы деятельности Центром выпущено 98 изданий, из них 10 – непосредственно по исламской проблематике. Проведено несколько научных конференций, семинаров, круглых столов на данную тематику.

В 2000 г. автором данной статьи в диссертационном совете Северо-Кавказской академии государственной службы была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук на тему «Исламский радикализм в международной политике (на материалах Ближнего, Среднего Востока и Северного Кавказа)». Ведущей организацией был определен «Институт Кавказа» при СКНЦ ВШ, директором которого являлся авторитетный ростовский ученый Н.С. Авдулов. В этот период и состоялось мое личное знакомство с Ю.А. Ждановым, который, ознакомившись с материалами диссертационной работы, живо интересовался направлениями дальнейших исследований по теме. В 2003 г. в ИППК РГУ (ныне Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета) мною была защищена докторская диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук на тему «Исламский радикализм: сущность, идеология, политическая практика». Юрий Андреевич принял активное участие в заседании совета, а также в обсуждении представленной работы, высоко оценив ее актуальность и качество. Постепенно под моим руководством сформировался слой молодых ученых-исламоведов. За прошедшие годы защитили диссертации на соискание ученой степени кандидатов политических и социологических наук следующие ученые: С.Е. Бережной («Исламский фундаментализм на Северном Кавказе»), Х.Т. Курбанов («Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе: идеология и практика»), Р.Ф. Патеев («Политические аспекты мусульманского образования в России: история и современность»), Э.Ф. Шарафутдинова («Этноконфессиональный фактор в чеченском конфликте: политологический анализ»), А.В. Сухов

(«Исламские движения в Центральной Азии и на Северо-Восточном Кавказе: сравнительно-политологический анализ»), О.В. Рябцев («Сетевой принцип деятельности организаций закрытого типа в контексте угроз национальной и региональной безопасности России») (на примере крымско-татарского национального движения), Н.Е. Романченко («Террористические исламистские религиозно-политические организации на Северном Кавказе: институционально-политологический подход»), Р.Г. Гаджибеков («Внутренние факторы влияния на процессы политизации и радикализации ислама в Российской Федерации»), Н.А. Анисимова («Сетевые структуры террористов на Северном Кавказе: причины формирования и стратегии противодействия»), А.Ю. Круглова («Деструктивные исламистские и тюркско-исламистские сетевые структуры на Юге России: формирование, взаимодействие, деятельность и методы противодействия»). В настоящее время они работают в органах власти и управления, в научных и образовательных учреждениях, проходят службу в силовых структурах. Р.Ф. Патеев, например, сегодня возглавляет Центр исламских исследований при Президенте Республики Татарстан, успешно работает над докторской диссертацией.

Однако несмотря на определенные достижения в исламских исследованиях на Юге России, в Ростове-на-Дону в частности, очевидны и недостатки. Так, до сих пор в регионе практически отсутствуют официальные структуры исламских исследований в рамках высших учебных и научных заведений, которые бы имели прямое государственное финансирование. Отдельные ученые или их коллективы занимаются этими вопросами, как правило, по собственной инициативе. Все попытки преодолеть этот пробел, в том числе и в рамках региональных научных центров РАН, до сих пор остаются безуспешными. Между тем ситуация, связанная с так называемым «исламским фактором» на Юге России, далека от идеала.

Подавляющее большинство населения республик Северного Кавказа исповедуют ислам суннитского направления ханифитского и шафиитского толков. Ханифитского мазхаба придерживаются, в основном, большинство верующих татар, кабардинцев, адыгейцев, черкесов, абазин, балкарцев, карачаевцев, ногайцев, осетин, туркмен, крымских татар, азербайджанцев-суннитов. Шафиитскому мазхабу, в основном, следуют представители большинства коренных народов Дагестана (кроме ногайцев), чеченцы и ингуши.

В других субъектах Юга России, как правило, проживающие здесь мусульмане являются суннитами-ханифитами.

Численность последователей ислама шиитского толка на Северном Кавказе незначительна и представляет собой небольшую часть лезгин и даргинцев, а также большую часть азербайджанцев. Они живут, в основном, на территории Южного Дагестана.

На Северном Кавказе имеются также приверженцы немечетного ислама, представленного различными суфийскими орденами (тарикатами). Особенно широко он распространен у дагестанцев, чеченцев и ингушей, большим влиянием среди которых пользуются братства орденов накшбандийя и кадирийя (а в Дагестане еще и шазилийя), кадирийцев часто называют зикристами.

В современных условиях на Юге России действуют 11 Духовных управлений мусульман (ДУМ). Мусульманские организации региона координируются тремя центрами: Координационным центром мусульман Северного Кавказа (КЦМСК), а также Центральным Духовным управлением мусульман России (ЦДУМ, г. Уфа, верховный муфтий Т. Таджуддин) и Духовным управлением мусульман Европейской части России (ДУМЕР, г. Москва, муфтий Р. Гайнутдин, он же возглавляет «Совет муфтиев России»).

Вместе с тем при бурном росте исламского самосознания северокавказских народов сохраняется религиозная безграмотность населения. Традиционные духовные управления мусульман (ДУМ) не владеют ситуацией в должной мере. Экстремистские религиозные течения (так называемые исламисты) имеют серьезную идеологическую, организационную, а иногда и финансовую подпитку из ряда арабских и других исламских государств. Внедрение исламистами ценностей так называемого «чистого ислама» ведет к изменению этнической идентичности местных мусульман с северокавказской (южнороссийской) на арабскую (аравийскую). Данное обстоятельство способствует ожесточенной конфликтности между мусульманами-традиционалистами и их «арабизированными» оппонентами. В то же время у региональных духовных управлений множество нерешенных проблем, что связано до сих пор с отсутствием полноценной государственной политики, которая пока еще находится в стадии формирования.

Несмотря на рост количества исламских учебных заведений на Северном Кавказе, качество образовательного процесса все еще остается не на должном уровне, что до сих пор является одной из причин выезда молодых мусульман для обучения в зарубежных образовательных центрах. Так, по оценочным данным, в течение

1990-х годов более 4 тыс. молодых людей получили исламское образование за рубежом. Определенная часть студентов была обработана в радикальном ключе. Их последующая после возвращения на родину деятельность, как правило, входила в противоречие с традиционными на Северном Кавказе течениями ислама.

Сегодня в России в целом работают более 2 тыс. имамов, получивших образование за рубежом. Около 3 тыс. шакирдов (студентов) в настоящее время продолжают обучение за рубежом, из них менее 10% – по официальным направлениям муфтиятов. Это свидетельствует о том, что государство недостаточно контролирует процесс направления молодежи за рубеж для получения мусульманского образования, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Наряду с возрождением и заметной политической активизацией традиционного ислама, прежде всего так называемого «официального ислам» в лице ДУМов и контролируемых ими структур, на Северном Кавказе постепенно делаются попытки утверждения ранее малоизвестного здесь течения в исламе – так называемого «ваххабизма» («чистый ислам», салафизм), представляющего собой радикальное религиозно-политическое движение в суннитском исламе. В России исламизм, в том числе в радикальных формах, начал распространяться с началом возрожденческих процессов в конце 80-х – начале 90-х годов XX в. при активном влиянии из-за рубежа. Крупнейшим материальным и идейным внешним «спонсором» распространения радикального исламизма в Российской Федерации стала Саудовская Аравия, а также некоторые другие государства Ближнего Востока. Именно экспансия саудовского варианта ислама (ваххабизма) стала прологом к усилению сначала социальной конфликтности, а затем и политического радикализма исламистских групп во многих республиках Северного Кавказа. Последователи «ваххабитов» стремились к силовому захвату власти, замене действующего законодательства нормами шариата и построению в перспективе на ряде территорий Кавказа и Поволжья исламского халифата. Идейная и политическая позиция псевдовваххабитов, а также сильное иностранное влияние породили внутренний конфликт в мусульманских общинах Северного Кавказа.

С действиями представителей радикального ислама связаны эскалация вооруженного конфликта в Чечне, открытые вооруженные выступления и террористические акты во многих других северокавказских республиках, а также за их пределами. В настоящее время хотя принятые государством меры и привели к снижению

потенциала и деградации террористических «джамаатов», тем не менее окончательно вопрос еще не решен. Радикальные исламисты «осетевились», чаще всего представляют собой «спящие» террористические ячейки, имеющие целью совершение небольшого количества, а иногда даже одной, террористических атак. Сетевой принцип построения таких групп позволяет им действовать достаточно конспиративно, что затрудняет их обнаружение и нейтрализацию.

Актуальной представляется официальная статистика специфической политической практики аналогичных групп радикальных исламистов за рубежом. Так, например, Национальный антитеррористический центр США (NCTC) в мае 2009 г. опубликовал доклад, в котором приводятся статистические данные о террористических нападениях в мире за 2008 г. Согласно докладу, в 2008 г. имели место 11 800 терактов, в то время как в 2007 г. – 14 500, в 2006 г. – 14 тыс., в 2005 г. – 11 тыс., а в 2004 г., по данным Госдепартамента США, не учитывавшего теракты в Ираке, – 3192. Наибольшее количество террористических атак в 2008 г. – 4600 (40%) – было совершено в странах Ближнего и Среднего Востока, хотя в Ираке два года подряд, в 2007–2008 гг., их число снижалось. В то же время в странах Южной Азии (Пакистан, Индия) и в Афганистане их количество увеличилось в 2 раза. Террористические акты в Ираке, Афганистане и Пакистане составили 55% от общего числа терактов в мире. 140%-ный рост террористической активности в Африке зафиксирован в Сомали и Демократической Республике Конго. В Западной полушарии в указанный период отмечено сокращение числа терактов на 25%, а в странах Юго-Восточной Азии и Тихого океана – на 30%. В 2008 г. значительно возросло число случаев похищения террористами людей. Так, в Пакистане оно увеличилось на 340%, в Афганистане – на 100, в Индии – на 30, в других странах Южной Азии – на 45% [1, с. 198].

Что касается официальных статистических данных по террористическим проявлениям в Российской Федерации и в ее Северо-Кавказском регионе, то, согласно им, пик пришелся на 2005 г. Тогда в РФ был зафиксирован 251 теракт, из них более 90% – против сотрудников правоохранительных структур и органов исполнительной власти в Южном федеральном округе. В последующие два года в русле данных официальной статистики наблюдалось неуклонное снижение числа террористических акций. Так, в 2006 г. было отмечено 112 терактов, из них около 90% произошли на Юге

России. В последующие годы официальная статистика свидетельствовала о дальнейшем спаде террористической активности. Такая динамика дала основание некоторым экспертам утверждать, что наступил перелом, а в перспективе террористическая активность будет сведена на нет [2, с. 11].

Однако следует подчеркнуть, что в связи с изменениями, внесенными в уголовное законодательство в 2006 г., понятие террористического акта значительно сузилось. Для квалификации преступления как террористического акта обязательным стало наличие цели воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями. Поэтому, как это ни странно звучит, террористические акты в нашей стране с этого периода стали довольно редким преступлением. Так, в 2007 г. – только 48 терактов, т.е. впятеро меньше, чем в «лихом» 2005 г., и более чем вдвое меньше по сравнению с 2006 г. В 2008 г. в Российской Федерации были зафиксированы всего два теракта (по одному – в Дагестане и Северной Осетии – Алании) [1, с. 193–195].

Тем не менее в 2009 г. мы вновь явились свидетелями своеобразного «возвращения в 2005 г.», хотя в цифровом исчислении по отмеченным выше причинам количество терактов выглядит достаточно скромно. Так, например, в 2009 г. в Российской Федерации были зарегистрированы всего шесть терактов (по два – в Дагестане и Чечне, по одному – в Ингушетии и Тверской области), в 2010 г. – уже 23 теракта (11 – в Дагестане, три – в Ставропольском крае, по два – в Москве и в Ингушетии, по одному – в Санкт-Петербурге, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии – Алании, Краснодарском крае и в Орле).

Однако если обратиться к статистике, озвученной в тот период времени правоохранительной системой ЮФО, то можно утверждать, что ситуация в 2009 г. на территории округа характеризовалась резким усилением террористической активности со стороны незаконных вооруженных формирований: было совершено 641 посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих (в 2008 г. – 491, рост составил 30%). Только в 2009 г. по Южному федеральному округу погибли: 251 сотрудник правоохранительных органов и военнослужащий, а также 32 гражданских лица (в 2008 г., соответственно, 210 силовиков и 12 гражданских), ранены 727 сотрудников и 85 гражданских лиц (в 2008 г. – 484 силовика и 68 гражданских). В 2010 г. были заведены 23 уголовных дела по ст. 205 УК РФ (терроризм), однако зафиксированы 273 взрыва и 492 обстрела, подорвали себя

14 террористов-смертников. В результате погибли 410 человек, более тысячи получили ранения [1, с. 196].

Таким образом, диверсионно-террористическая активность радикальных исламистов в 2000-х годах по-прежнему выступала значимым фактором дестабилизации политических процессов на российском Юге, и не только. Практика перекалфикации террористических атак на другие статьи Уголовного кодекса РФ не уменьшила накал терроризма, а только камуфлировала реально складывающуюся ситуацию, дезориентируя органы власти и управления, а также тех, кто ведет реальную борьбу с террористами.

Однако к концу второго десятилетия XXI в. повсеместно ситуация стала меняться в лучшую сторону. Так, французский Центр по изучению проблем терроризма Jane's (JTIC) международной экспертной компании IHS Markit опубликовал доклад, в котором говорится о снижении количества террористических актов в мире на треть. «На протяжении 2018 г. JTIC зарегистрировал 15 321 теракт, совершенный неправительственными вооруженными группировками. В результате этих атак погибли 13 483 человека, не являющихся военнослужащими. Количество терактов существенно ниже – на 33,2%, чем число зарегистрированных в 2017 г. атак. Это самый низкий показатель с 2011 г.», – заявил руководитель Центра Мэттью Хенман. Сократилось и количество жертв терактов: в 2018 г. погибли на четверть меньше людей, чем в 2017 г. Снизилось и количество атак, совершаемых ИГ. «Самой опасной страной в мире» по-прежнему остается Афганистан, только за прошлый год в нем из-за терроризма погибли 4180 человек. Аналитики JTIC связывают такие результаты с международной борьбой с терроризмом на глобальном уровне. Всего, по данным аналитического центра, в 2018 г. в 90 странах мира действовали террористические группировки, в 2017 – в 116 странах [3].

В лучшую сторону изменилась ситуация и в Российской Федерации, что связано, прежде всего, с тем, что российские органы безопасности и силы правопорядка в последние годы заметно активизировали свою деятельность. Так, секретарь Совета безопасности России Николай Патрушев заявил, что в 2018 г. в России совершено девять преступлений террористической направленности и только один теракт, а в мире наблюдается тенденция снижения террористической активности. Такие показатели Патрушев связывает с эффективной работой спецслужб и правоохранительных органов в нашей стране. В общей сложности за 2017 год, по его словам, предотвращено 36 преступлений террористической

направленности, в том числе 20 терактов. Секретарь Совета безопасности также отметил, что если в 2014 г. число терактов в мире достигало почти 16 тыс., то в последние годы отметка упала приблизительно до 10 тыс. На Ближнем Востоке террористическая активность снизилась в 2 раза, в Южной Азии – на треть. Самые большие масштабы террористической деятельности зафиксированы в Афганистане. На этом фоне ситуация в России выглядит стабильной: за пять лет активность терроризма снизилась более чем в 20 раз [4].

Тот факт, что обстановка в Российской Федерации в сфере противодействия терроризму остается сложной, но контролируемой правоохранительными органами, подтвердил и директор ФСБ России А.В. Бортников. На совместном заседании Национального антитеррористического комитета и Федерального оперативного штаба, состоявшегося 11 декабря 2018 г., он сообщил, что в результате реализации комплекса мер в 2018 г. значительно снизилось число совершенных преступлений террористической направленности, сократилось количество терактов. Так, в ходе контртеррористических операций и отдельных оперативно-боевых мероприятий были нейтрализованы 65 боевиков, в том числе 10 главарей бандгрупп; задержаны 36 главарей, 236 бандитов и 589 пособников. Пресечена деятельность 37 террористических ячеек, планировавших организовать теракты на территории республик Дагестан, Ингушетия, Чеченской Республики и Ставропольского края. Принят ряд мер по повышению эффективности предупредительно-профилактической работы. Скоординированная деятельность всех субъектов противодействия терроризму позволила не допустить террористических проявлений в ходе проведения выборов Президента Российской Федерации и Чемпионата мира по футболу 2018 г. По его словам, усилен контроль над миграционными потоками в целях предотвращения их использования террористами. МВД и Пограничной службой ФСБ России закрыт въезд более 10 тыс. лиц, подозреваемых в причастности к террористической и экстремистской деятельности, а также не допущен выезд свыше 60 российских и иностранных граждан в зоны вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке. Пресечена деятельность по распространению противоправной информации более чем 64 тыс. интернет-ресурсов, из которых свыше 47 тыс. содержали материалы, связанные с деятельностью международных террористических организаций (МТО). Комитетом разработаны организационные меры по противодействию финансированию терроризма и борьбе

с незаконным оборотом оружия с учетом последних изменений в оперативной обстановке. Усилена уголовная ответственность за содействие террористической деятельности, а также за заведомо ложное сообщение о теракте, криминализована пропаганда терроризма [5].

Вместе с тем, подчеркнул А.В. Бортников, террористические угрозы, связанные с деятельностью международных террористических организаций, сохраняются. Главари МТО не оставляют намерений по формированию на территории Российской Федерации законспирированных ячеек и реализации с их помощью своих преступных замыслов. Этому способствует пропаганда идеологии терроризма, в основном осуществляемая по телекоммуникационным каналам и ориентированная, главным образом, на молодежь, включая несовершеннолетних. Наибольшее количество проявлений терроризма, как и прежде, фиксируется в Северо-Кавказском федеральном округе. При этом МТО предпринимают попытки распространения террористической активности и на другие регионы страны, в том числе привлекая в качестве исполнителей преступлений террористической направленности мигрантов из стран Центральной Азии [там же].

В целях повышения эффективности противодействия перечисленным угрозам в 2019 г. директор ФСБ РФ потребовал выработать и реализовать комплекс мер по совершенствованию организации и координации деятельности всех субъектов противодействия терроризму. По его мнению, требуется обеспечить использование на регулярной основе результатов мониторинга политических, социально-экономических и иных процессов в целях своевременного выявления угроз террористического характера и оказания реального влияния на обстановку. Необходимо также наращивать усилия по дальнейшему сокращению террористической активности и недопущению ее распространения на территории Российской Федерации, защите информационного пространства от идеологии терроризма. Следует придать больше системности организации межведомственного взаимодействия в работе по противодействию распространению радикальных взглядов в среде мигрантов и недопущению проникновения сторонников международных террористических организаций на территорию России по миграционным каналам. Должно быть обеспечено снижение уязвимости потенциальных объектов террористических посягательств и мест массового пребывания людей. Наряду с неукоснительным соблюдением требований к антитеррористической защищенности объектов

необходимо повысить уровень профессиональной подготовки и персональной ответственности специалистов, задействованных в ее обеспечении. На плановой основе следует продолжить проведение мероприятий по нейтрализации террористических угроз на территории Северо-Кавказского федерального округа и снижению уровня радикализации его жителей, в том числе посредством активизации работы органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области профилактики терроризма [5].

Как представляется, практически все вышеотмеченные положения выстроены в русле так называемого «узкого» подхода к блокированию терроризма, заключающегося в совершенствовании антитеррористического законодательства, укреплении спецслужб и силовых ведомств, противодействии финансированию терроризма и повышении эффективности идеолого-пропагандистской и разъяснительной работы среди населения.

Однако следует отметить, что терроризм выступает не просто в качестве обычного криминального деяния, но, и это очень важно, является особым, весьма опасным социально-политическим явлением. Его детерминируют многочисленные внешние и внутренние конфликтогенные факторы, причем более опасными являются внутренние. Среди них традиционно отмечают ключевые – политические, социально-экономические, демографо-миграционные и этноконфессиональные. При этом указанные группы факторов находятся в подпитывающем друг друга состоянии. Локализуя одни из них, но упуская другие, трудно рассчитывать на успех. В разное время те или иные из них выходят на первый план или отходят на второстепенные позиции. В настоящее время среди наиболее опасных внутренних конфликтогенных факторов специалисты выделяют социально-экономические, среди них – продолжающееся невероятное по масштабам имущественное расслоение и десоциализацию государственной политики.

Как пишет известный российский политолог В.Ю. Крашенинникова, «именно по этой причине рейтинг власти в 2018 г. пошел вниз и без усилий внешних врагов – одними лишь решениями российской власти. С наступлением 2019 г. объективных обстоятельств для роста протеста добавилось – опять же решениями российского правительства. Введение новых налогов – увеличение НДС на 2%, налог на самозанятых 4% (6%) и повышение цен – ЖКХ на 4,1%, на бензин, на парковку, другие поборы, вплоть до возможного “налога на колбасу”, плюс рост цен за счет ослабления курса рубля – россияне в ближайшие месяцы почувствуют

новую нагрузку на кошелёк. И всё это вдобавок к повышению пенсионного возраста и обманутым ожиданиям на изменение курса после президентских выборов» [6]. Этот же автор подчеркивает, что «справедливость и социальное государство – самые главные запросы граждан сегодня. Согласно соцопросам, две трети россиян с ностальгией отзываются о советской эпохе. И ностальгия эта – не по собственной молодости, как хотят внушить пропагандисты, и не по пломбировке за 19 копеек. Люди хотят качественного бесплатного образования и здравоохранения, равенства перед законом, справедливого распределения доходов. Декабрьский доклад-исследование ряда специалистов “Осенний перелом в сознании россиян: мимолетный всплеск или новая тенденция?” отмечает к тому же резкое усиление нематериальных потребностей, таких как свобода, уважение, честные выборы» [там же].

Таким образом, что касается проблемы надежного блокирования терроризма, то, как представляется, следует задействовать «широкую» и «узкую» подходы в решении этой проблемы, плюс необходимы и дальнейшие фундаментальные и прикладные исследования по исламской и исламистской проблематике на Юге России. Для этого без государственной поддержки не обойтись. Все вышеизложенное, безусловно, требует повышения качества исламских исследований в нашей стране, о чем в свое время предупреждал Юрий Андреевич Жданов.

Литература

1. *Добаев И.П.* Радикализация ислама в современной России. – Москва – Ростов н/Дону: Социально-гуманитарные знания, 2014. – 332 с.
2. *Добаев И.П.* Современный терроризм в мире и на Северном Кавказе: сущность, практика, опыт противодействия // Ориентир. – 2010. – Ноябрь.
3. Во Франции заявили о снижении терактов в мире [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ncpti.su/news/6772/> (Дата обращения: 26.05.2019.)
4. Патрушев: в 2018 году в России был совершен один теракт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ncpti.su/news/6772/> (Дата обращения: 26.05.2019.)
5. Вступительное слово председателя НАК, директора ФСБ России А.В. Бортникова на совместном заседании НАК и ФОИШ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nac.gov.ru/hubliacii/vystuplenija-i-intervju/vstupitelnoe-slovo-predsedatelya-nak-1.html> (Дата обращения: 26.05.2019.)
6. *Крашенинникова В.Ю.* Турбулентность: кто за нее в ответе? // Литературная газета. – 2019. – 23. янв.

*Статья написана специально для бюллетеня
«Россия и мусульманский мир»*